

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И ЕГО ЕДИНИЦЫ В АСПЕКТЕ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Н.К. Данилова
Самарский государственный университет

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАРРАТИВА

Исследование коммуникативно-познавательной деятельности индивидуумов в литературной практике (нарративного дискурса) предполагает ответ на вопрос о том, что такое «коммуникативность» нарратива.

Литературная (нарративная) коммуникация представляет собой сферу действия законов литературного языка, реализующего цели общения с помощью символических знаков вторичного порядка. Речь идет о социальной активности индивидуумов, получающей квалификацию как «странная» деятельность, вынужденная «самой себе создавать и цели, и потребности и средства» [Бланшо 2002:84]. Являясь конститутивной деятельностью, создающей миф, литература противопоставлена обыденной речи и обнаруживает особенности своей организации как в содержании и формах, так и в системе норм и правил, определяющих ее осуществление, это смыслопорождающая деятельность, в итоге которой возникает «мир, которого прежде не было» [Гадамер1991].

Конституирующий характер этой деятельности определен, прежде всего, особым характером предметности, наиболее полно исследованной психологией художественного творчества. В акте опредмечивания, по наблюдениям А.Н.Леонтьева, происходит «размыкание» круга психических процессов навстречу объективному предметному миру, в котором деятельность выполняет функцию «полагания субъекта» и его преобразования в «форму субъективности» [Леонтьев 1983а:165]. Раскрывая «тайну эликсира», способного превращать «заготовку» в художественное произведение, А.Н.Леонтьев обнаруживает ответ в динамическом движении сознания, содержащем главное противоречие эстетической деятельности: несовпадение значения, принадлежащего общественно-историческому опыту социума, и «значения для меня», личностного смысла, представляющего собой основной регулятор эстетической деятельности.

Продуктом эстетической деятельности становится открытие, выражение и передача другому человеку собственного опыта, что позволяет А.Н. Леонтьеву дать определение искусству как единственной деятельно-

сти, отвечающей «задаче открытия, отражения и коммуникации личностного смысла действительности» [Леонтьев 1983б: 237]. Не заранее данное, не отражение, а преобразование действительности в особой форме субъективности, а, следовательно, рождение новых, еще не известных смыслов, составляет суть литературной (нарративной) коммуникации, получившей в работах А.Н.Леонтьева определение как одна из форм «событийствования» мира.

Язык в этом непрерывном действии образует «систему ориентиров», необходимую для деятельности в предметном мире. Существование «образа мира» в его двойственности, первичное в качестве объективных связей предметного мира и вторичное в данности в человеческом сознании в идеальной форме, благодаря языку получает дополнительное измерение, представленное системой языковых значений, названное А.Н. Леонтьевым «пятым квазиизмерением, в котором человеку открывается объективный мир» [Леонтьев 1983в: 253]. Эстетическая деятельность приобретает, тем самым, качество «вторичной предметной деятельности», в которой функции предметов выполняют знаки-заместители предметов, а принципы замещения отражают существование внутреннего плана, возможность проникновения в который заложена в объективности значения.

Совместная рефлексивная деятельность участников литературной (нарративной) коммуникации предполагает существование закономерностей организации общения, в которых должна найти отражение обусловленность языковой деятельности конвенциональными нормами (свойственными контексту общения) и концептуальными структурами, в которые организовано знание участников диалога, что связывает процесс познания с процессами общения. Если конвенциональные нормы регулируют взаимоотношения между участниками процесса письма-чтения (чему служат, прежде всего, формы субъективности), то концептуальные структуры определяют протекание вторичной предметной деятельности на основе языка. В этих двух моментах, вторичной предметности и особых формах субъективности, находит проявление «самосознание текста», дискурс, понятый как «живое, осознанное его представление в опыте пишущих и читающих» [Деррида 2000: 241].

Если концептуальные основания нарратива, связанные с его вторичной предметностью, получают в современной науке более или менее полное описание, то его коммуникативный потенциал нуждается в более подробном обосновании. Преобладающее в современной науке о языке понимание литературной коммуникации как неполноценной в коммуникативном отношении [Падучева 1996:199], или лишенной свойства коммуникативности [Арутюнова 1999:86], исходит из факта признания естественной коммуникации в качестве канонической формы общения. Коммуникативная аномальность литературной практики связывается, в первую очередь, с существованием временной дистанции между реальными участниками

общения и потенциальным статусом их существования. В наиболее акцентированной форме проблема «некоммуникативности» получает выражение в предлагаемом М. Мамардашвили определении искусства как «коммуникации некоммуницируемого» [Мамардашвили 1995:530].

Парадокс литературной коммуникации, сформулированный М. Мамардашвили, отражает существование требующей решения проблемы, которая в лингвистическом ракурсе может получить определение как описание условий и средств, обеспечивающих возможность протекания коммуникативно-познавательной деятельности индивидуумов в практике, цель которой заключается в «движении к истине». Одной из центральных проблем литературной коммуникации является, по нашему мнению, противоречие, существующее между высокой степенью свободы (интенциональности) и столь же значительной регламентированностью (системностью) коммуникативно-познавательной деятельности индивидуумов в литературной практике. Глубинная рефлексивная природа искусства порождает особое «напряжение» литературной коммуникации (ее «тайну»), не только ежеминутно грозящее разрушением создаваемых связей, но и означающее высокую степень творческой свободы ее участников.

Для решения обозначенной проблемы становится явно недостаточной констатация факта вторичной предметности и особых форм субъективности литературы, так как это не объясняет действия языковых механизмов коммуникации. Предпосылки этого конфликта кроются в специфике социально-коммуникативной ситуации литературной практики.

Современные исследования коммуникативных практик исходят из глобальной установки на признание процесса общения непрерывно воспроизводимым феноменом (фактор времени/пространства) и одновременно процессом выстраивания разнообразных социальных ситуаций (фактор итеративности). Производство текстов протекает на фоне определенных предпосылок и рассматривается как целенаправленная деятельность, для которой обязательна когнитивная оценка ситуации и партнера, позволяющая выбрать оптимальный вариант действия, т.е. факторы контроля и кооперации [Heinemann, Viehweger 1991:92]. Обозначенные факторы свидетельствуют о наличии в коммуникативном процессе моментов управления языковым поведением участников.

Строение коммуникативного акта в литературе определено письменной формой коммуникации, создающей дистанцию между участниками коммуникативного события, что делает менее очевидной интерсубъективность процесса общения. При этом формируется поведенческий контекст со свойственными ему ограничениями на свободу вербального поведения индивидуумов, находящими выражение в особом статусе субъекта говорения. Для управления взаимодействия участников в подобных условиях необходимо знание техник, норм и действий, принимаемых всеми членами сообщества, т.е. дискурсов.

В поле зрения при этом оказывается то обстоятельство, что тексты представляют собой наблюдаемую часть сложного коммуникативного события, дискурса, принадлежащего глобальной социальной интеракции. Тексты рассматриваются в тесной связи с другими действиями субъекта, с одной стороны, и как репрезентанты серийно организованной дискурсивной практики, в которой они включаются в последовательность пред- и послетекстов [Heinemann M., Heinemann W. 2002:108].

Одно из решений проблемы предлагает конверсационный анализ, выделяя глобальные образцы языковой реализации (narrative Interaktionsmuster), благодаря которым рассказ включается в процесс общения. «Ситуация рассказывания» рассматривается как модель интеракции, использование которой предполагает наличие дискурсивной компетенции, включающей «когнитивные образцы производства и узнавания текстов» [Heinemann 2000:516].

Представление о структурном концепте литературной коммуникации как о надындивидуальной структуре, не принадлежащей ни одному из участников, позволяет выделить качества процессуальности, секвенциальности, интерактивности и контекстуальности, присущие ей как «форме вербальной активности», которая свойственна как минимум двум субъектам в определенном контексте общения, позволяющем субъектам по очереди присваивать себе роли говорящего и слушающего [Quasthoff 2001:1299]. В вырисовывающейся таким образом структуре многоуровневого диалога просматривается особый нарративный способ взаимодействия, который реализуется в навязываемых изложением локальных и глобальных «ограничениях» на использование языковых средств.

Данные конверсационного подхода позволяют сформировать представление о «рассказывании» как о процессе, являющемся частью коллективного опыта и усваиваемом в числе прочих «хабитусов» [Schwitalla 1997]. В условиях нарративной интеракции действуют как комплексные схемы рефлексивного поведения, позволяющие ориентироваться в процессах производства и понимания текстов, так и образцы вербальных действий, создающие возможность варьирования этих «типизаций» в процессах моделирования действительности. Полученные результаты изменяют представление об уникальности «ситуации рассказывания» в письменной литературной коммуникации, что снимает ощущение ее исключительности и помещает исследуемую повествовательную форму в общий контекст социальной интеракции.

Рефлексом традиционного представления о литературной (нарративной) коммуникации остается при этом принимаемое конверсационным анализом направление детерминации, предполагающее, что повествовательная система обуславливает коммуникативную, а сама интерактивная система представляет собой совокупность форм. Простота подобного решения не учитывает то обстоятельство, что литературная (нарративная)

коммуникация имеет дело с более сложной структурой диалога партнеров и большим количеством коммуникативных ролей, чем это свойственно естественному общению.

Коммуникативная ситуация повествования формируется наличием в тексте определенной системы отношений, формирующих своего рода «внутреннюю прагматику» повествования. В работах Й. Андерегга, В. Шмида и Х. Линк (Anderegg 1973, Schmid 1973, Link 1976), содержащих описание нарративных инстанций, качество «нарративности» традиционно связывается с опосредующей фигурой повествователя (нарратора), связанной с различием драматического и повествовательного модуса передачи действительности. В основе расхождения точек зрения, представленных

в упомянутых исследованиях, лежит отношение к вымыслу либо как онтологическому, либо как к прагматическому признаку литературы. Ханнелоре Линк рассматривает рассказчика и читателя в качестве персонажей повествования, отказывая им в праве обладать собственным бытием.

Для Й. Андерегга и В. Шмида языковая выраженность обеих нарративных инстанций в тексте не является обязательной, их существование понимается как необходимое условие общения (Шмид придает особое значение индексам, маркирующим инстанции, для Андерегга обе инстанции существуют в качестве постулированного условия общения).

Конструктивное начало полемики, возникшей вокруг признаков фикциональности, заключается в том, что она концентрирует внимание на моменте изображения, означая, что мир произведения создается повествовательным актом нарратора. Пространство повествования приобретает свойства интегрированных друг в друга миров: цитируемый мир, связанный с речью персонажей, включен в повествуемый мир, принадлежащий их бытию, который, в свою очередь, включен в изображаемый мир, в котором действует нарратор.

Мир литературного произведения, согласно В.Шмиду, создается идеальными автором и читателями, а сам процесс чтения и письма осуществляется в конкретных ситуациях, участниками которой становятся конкретные субъекты [Шмид 2003:33]. «Ситуация рассказывания» в литературе представляется В.Шмиду процедурой «удвоения»: нарраторская коммуникация, включающая нарратора, адресата, повествование, включена в авторскую коммуникацию (повествовательный акт), являющуюся частью изображаемого мира, само включение совершается, по мысли автора, посредством изображаемого мира повествования, что добавляет к коммуникативной паре еще одну, связанную с идеальным концептом и миром повествования.

Моделирование в тексте, кроме событий, ситуации общения (ролей участников) образует основной прием включения нарратива в дискурсив-

ный универсум. Речь идет об особых локутивных позициях, выбор которых создает условия для участия социальных субъектов в событиях фиктивного мира и для их участия в активном процессе «самофикционализации». Реализация локутивных процессов, в свою очередь, принадлежит к глубинным универсальным механизмам языка и заключается в создании особой формы субъективности, модели субъекта говорения, служащей процессам управления языковым поведением индивидуумов [Кибрик 1997]. Именно модель субъекта говорения становится центральным звеном нарративной интеракции, связывающим коммуникативную среду с языковыми ресурсами участников общения.

Активная роль в создании пространства говорящего субъекта принадлежит местоименному дейксису, названному нами «знаками субъекта», так как он организует создаваемую в нарративе модель мира вокруг ментального субъекта и субъекта речи. Исключительная роль личных местоимений «Я» – «Ты» – «Он» впервые получает подробное описание в ситуативной теории К.Бюлера, где они рассматриваются как средства оперативного регулирования речи [Бюлер 2000]. Дейксис участвует в реализации качества субъективности в кооперации с категориями времени и наклонения, служа средством реализации процесса контекстуализации [Лайонз 2003:310].

Каждый акт высказывания, формирующий в конечном итоге нарративный дискурс, разворачивается в пространственно-временном контексте, центром которого является местоименный дейксис. Создаваемое участием названных категорий пространство ориентации выполняет операторную функцию, дейктически приписывая пропозицию тому миру, который она должна описывать. Дж. Лайонз так комментирует этот процесс: говорящие необходимо должны изображать мир, который они описывают, с точки зрения того мира, в котором они находятся. Следующее уточнение усиливает момент субъективности: говорящие должны изображать мир, который они описывают, с точки зрения того мира, который находится в них.

Коммуникативный потенциал нарратива формируется с помощью названных категорий в процессе оформления ряда модусов репрезентации, определяющих перспективу изложения. Структура высказывания формируется, по нашим наблюдениям, двумя основными группами модусов, когнитивными и коммуникативными [Данилова 2004]. К коммуникативным модусам могут быть отнесены модус субъекта говорения («Я») и модус наблюдателя (объективированная форма изложения «Он»). К когнитивным модусам относятся модусы субъекта восприятия (перцептивный) и субъекта рефлексии (рефлексивный). Итоговая форма субъективности формируется комбинацией названных модусов (коммуникативно-познавательных установок), определяющих условия взаимодействия участников в процессе чтения-письма.

Регуляция нарративного дискурса осуществляется через постоянную смену способов репрезентации, в реализации которых участвуют, кроме

местоименных форм, предикаты, соответствующие типу ментального акта. Субъект речи может выступать в единстве с субъектом восприятия или субъектом рефлексии, создавая повествовательную перспективу персонажа или рефлексора, выбор модуса наблюдателя в союзе с субъектом восприятия или рефлексии представляет перспективу автора, комментирующего или прогнозирующего события.

В игре модусов формируется наиболее значимое содержание художественного сообщения: личностный смысл изложения, составляющий суть языковой игры нарратора со своим партнером. Если в условиях естественного общения регулирование взаимодействия осуществляется чередованием коммуникативных ролей, в условиях литературной (нарративной) коммуникации этой цели служит смена модусов, изменяющая фокус изложения в зависимости от авторской интенции.

Подводя некоторые итоги сказанному, можно отметить, что коммуникативный потенциал нарратива раскрывается в процессе анализа языковых категорий как сложно организованный языковой синтез, постижение законов которого еще предстоит современным исследователям.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской литературы, 1999.
2. Бланшо М. Пространство литературы. М.: ЛОГОС. 2002.
3. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000.
4. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
5. Данилова Н.К. Языковые модели нарративной интеракции // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук «Актуальные проблемы гуманитарных наук» Самара: Изд-во «Самарский госуниверситет», 2004. С. 136-147.
6. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000
7. Кибрик А.А. Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология – 1997. – №4. С.94-105.
8. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. М.: Языки славянской культуры. 2003
9. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С.94-231.
10. Леонтьев А.Н. Некоторые проблемы психологии искусства // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С.232-239.
11. Леонтьев А.Н. О дальнейшем психологическом анализе деятельности // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С.247-280.
12. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995
13. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
14. Шмид В. Нарратология.(Studia philologica) М.: Языки славянской культуры, 2003.
15. Anderegg, J. Fiktion und Kommunikation. Ein Beitrag zur Theorie der Prosa. Göttingen : Vandenhoeck&Ruprecht, 1973.

16. Heinemann, W. Textsorte – Textmuster – Texttyp. In : Brinker, Klaus/ Antos, Gerd/ Heinemann, Wolfgang/ Sager, Sven F. (eds). Text- und Gesprächslinguistik. HSK-Bd. 16.1 Berlin/ New York, 2000, S. 507-523.

17. Heinemann, M., Heinemann, W. Grundlagen der Textlinguistik. Tübingen Max Niemeyer Verlag, 2002.

18. Heinemann, W., Viehweger, D. Textlinguistik. Eine Einführung. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991.

19. Link, J. Literaturwissenschaftliche Grundbegriffe. Eine programmierte Einführung auf strukturalistischer Basis. 4 unveränd. Auflage, München:Fink, 1993

20. Schmid, W. Der Textaufbau in den Erzählungen Dostojewskijs. München:Fink, 1973.

21. Schwitalla, J.. Das Illustrieren – eine narrative Textsorte mit ywei Varianten. In : Dittmann, J. (ed.) Erscheinungsformen der deutschen Sprache. Berlin:Schmidt, 1997, S.189-204.

М.Н. Везерова

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

В ПОИСКАХ КЛЮЧЕЙ К ЭСТЕТИЧЕСКОМУ КОДУ

Любой получатель текста (читатель, слушатель, исследователь) стремится понять его смысл, т.е. декодировать его. Наиболее осознанная направленность на декодирование возникает в тех случаях, когда, как пишет ученый, фрагмент текста – это «сообщение, которое оставляет меня в недоумении, побуждая меня задаваться вопросом, что бы это значило, в то время как в тумане начинает вырисовываться что-то такое, что, в конечном счете, направляет меня куда надо, – это такое сообщение, на которое я смотрю, соображая, *как оно устроено*» (Эко 1998:80). То есть в данном случае речь идет о текстовом коде. Что же понимают под кодом текста в современной лингвистике? В одной из фундаментальных работ В.А. Лукина находим такое определение: «Код – это множество знаков, по определенным правилам «упаковывающих» информацию, которая становится определенным образом распределенной на всем множестве данных знаков. Структура кода трехэлементна: **формы знаков – правила соответствия – информация** (знание)» [Лукин 2005:130].

Естественный язык, рассматриваемый в лингвистике как знаковая система, является универсальным кодом, с помощью которого можно передать любую информацию. Все другие коды, создаваемые человеком, вторичны и строятся «под контролем языкового кода» [Сепир 1993:41]. В том числе, естественно, вторичным является и текстовый код (язык текста).

В тексте языковые (и неязыковые) единицы вступают, включаются в разнообразные связи и отношения, при этом они приобретают новые